

Молодой писатель

Мы часто пишем и говорим: «по-горьковски воспитывать молодых литераторов», «по-горьковски относиться к молодежи», «по-горьковски относиться к литературе». Двенадцать лет назад с трибуны Первого всесоюзного съезда советских писателей Алексей Максимович выдвинул перед Союзом писателей, который тогда только создавался, в качестве первоочередной, важнейшей обязанности заботу о воспитании молодых писателей. И сам Горький всегда щедро поддерживал творческую молодежь. Как никто другой, он умел воодушевить, ободрить начинающего автора, бережно направить его первые шаги в литературу.

За эти годы в нашу литературу вошло немало свежих молодых сил. У нас создан специальный Литературный институт, регулярно проводятся творческие семинары и совещания молодых писателей. Среди выходящих в различных издательствах книг видное место занимают произведения писателей-дебютантов.

Но по-горьковски воспитывать — это значит не только поощрять, но и высказывать суровые замечания, неустыжно бороться за расширение, укрепление связей молодых писателей с жизнью, об углублении их идейного кругозора.

В свое время Николай Островский, обращаясь к молодым писателям, страстно говорил, что молодой писатель растет как художник только тогда, когда он растет как человек, как борец, растет вместе со всей страной. «...вы знаете», — говорил Островский, — что писатель — это учитель. А учитель может только то, что знает больше тех, кого он учит, кто имеет что сказать... Вот почему... писатели должны идти в различные колоннах наступающей. Вступая в литературу, молодой писатель уже должен накопить известный жизненный опыт, запас мыслей, наблюдений, чувств. Он должен иметь что сказать своему читателю. А. С. Макаренко после выхода в свет «Педагогической поэмы» не раз подчеркивал, что всю жизнь готовился к писательской работе. И он же, несмотря на большой успех своей книги у читателей, не устал повторять, что продолжает считать себя начинающим писателем, продолжает учиться мастерству, накапливая знания и опыт.

Жаль, что этой скромности часто не хватает некоторым молодым литераторам. Да и старшие, более опытные товарищи еще недостаточно воспитаны у молодежи чувство высокой ответственности за свой труд, уважение к благородной профессии литератора, сознание необходимости постоянной и неустанно изучать жизнь, активно участвовать в великом социальном труде советского народа. Вот почему у нас по порой неадекватно долго выносятся к молодым авторам, не накопившим никакого жизненного багажа, в чьих произведениях не чувствуется знания советской действительности и умения ее наблюдать, то снисходительно прощают тех молодых писателей, которые, выпустив одну-единственную книжку, остановились в своем росте, успокоились, замкнулись в кругу чисто литературных интересов, оторвались от своей прежней профессии. Нужно ли говорить, что такая «забота» о молодежи только поощряет индифферентные настроения. Она не имеет ничего общего с горьковскими традициями, мешает выживанию действительно одаренных литераторов, а порой помогает поглотить тусовочные, людей «социально маломатронных», если воспользоваться выражением Горького.

Заблудившее воспитание литературной смены — святой долг Союза писателей, каждого члена союза, именно долг, а не нагрузка, как писал в одной из своих статей П. Павленко. И он же добавлял: «интерес человеческих душ немалым без окружающего его коллектива более молодых работников. Писатель-отшельник — явление пережиточное».

В дни работы Второго всесоюзного съезда советских писателей Центральный Комитет КПСС напомнил в своем приветствии съезду, что постоянная помощь начинающим писателям в их творческом росте является одной из важнейших задач союза. К сожалению, многие наши известные писатели, чье авторитетное слово могло бы иметь огромное значение для молодых литераторов, ссылаясь на собственную занятость, уклоняются от работы с молодежью и начинают более или менее активно интересоваться их судьбами только во время разного рода семинаров, совещаний и конференций.

В сложном процессе выживания, воспитания способной молодежи, обогащения нашей литературы молодыми талантами немалая роль принадлежит газетам, издательствам, прежде всего печатным органам Союза писателей — литературно-художественным журналам, альманахам. Так,

например, журнал «Дальний Восток», который на протяжении многих лет знакомил читателей с удачными произведениями молодых писателей, в первых

номерх за этот год опубликовал две новые работы молодых литераторов: «На морском посту» бывшего военного моряка С. Зарубина и «Кто в дружбу верит гордо» учительницы М. Черкашиной, напечатал поэму молодого поэта П. Халова «На окраине».

Там, где есть подлинная заинтересованность в судьбе литературной смены, забота о будущем литературы, там, как правило, издательства, альманахи, журналы становятся центрами объединения молодых литераторов. Там, где ведется систематическая, вдумчивая работа с молодыми авторами, и самый процесс обсуждения, редактирования рукописи становится не скучной, механической обязанностью, а актом творчества, школой воспитания молодых литераторов. Сколько видных советских писателей с благодарностью вспоминают старших товарищей по перу, тех, кто в свое время не пожалел ни времени, ни сил, помогая не только довести первую рукопись до журнальных и газетных страниц, но и наиболее полно выявить собственную творческую индивидуальность молодого автора. А ведь в поддержке своеобразного художественного дарования и состоит высшее искусство воспитания молодых литераторов: не в сглаживании индивидуальных особенностей языка и стиля, как с самого начала делает рукописи похожей на десятки других, а в выявлении присущих этому писателю черт.

А сколько рукописей молодых литераторов полагая безрезультатно дожидаются в редакционных портфелях решения своей участи! Часто процесс чтения и рецензирования рукописей растягивается на многие месяцы, причем должностной ответ нередко оказывается всего лишь формальной отпиской, которая ровным счетом ничего не объясняет автору.

Но ведь, в сущности говоря, и те редакционно-издательские работники, которые с рвением «приглаживают» рукописи, и те, которые с барским равнодушием от них отмахиваются, запечатаны одной болезнью — формально-бюрократическим отношением к своим обязанностям, особенно вредным и недопустимым в таком живом, горячем деле, как воспитание молодежи.

У нас часто не хватает кадров опытных, знающих редакторов. А те, что есть, распылены, как расщеплены еще некоторые областные издательства и альманахи. Ведь не секрет, что многие редакции альманахов не успевают за жизнью, не имеют достаточно сил для того, чтобы регулярно давать в руки читателей добротнейшую продукцию. Об этом говорилось уже четыре года назад на Втором всесоюзном съезде молодых писателей. Однако выдвигавшееся тогда же предложение о слиянии ряда альманахов и создании межобластных литературно-художественных журналов до сих пор не реализовано.

И еще один вопрос настойчиво требует решения — вопрос об издании книг, которые вооружают бы начинающих писателей знаниями своей профессии, основ мастерства, составили бы библиотеку молодого писателя. В свое время Горький ставил этот вопрос широко и по-государственному, был инициатором многих ценных начинаний. К сожалению, в послевоенные годы у нас мало издается пособий, которые учат литературному мастерству, обобщают опыт классиков и современных писателей. Хорошее, полезное дело предприняло издательство «Советский писатель», выпустив сборник статей «О писательском труде», литературно-критические статьи и заметки П. Павленко «Писатель и жизнь». Но это только начало той большой, нужной работы, которая может и должна проводиться систематически. Почему до сих пор не собраны статьи о литературе Фадеева, Федина, Гладкова, Маршала, Эренбурга и других мастеров? Где книги, вводящие читателя в творческую лабораторию художника и рассказывающие, как он работает? Сама жизнь, огромный, все возрастающий интерес широких кругов советских читателей к литературе настоятельно диктуют необходимость издания таких книг.

Всесоюзное совещание молодых писателей — третье по счету, которое состоится в этом году, — несомненно, поможет выявить новые произведения и новые имена. Но оно должно также помочь Союзу писателей, его организациям, которые еще слабо и бессистемно работают с молодыми писателями, вскрыть серьезные недостатки, мешающие росту молодой литературы. Забота об успехах молодых литераторов не может быть ведомственной делом одной только комиссии по работе с молодыми авторами. Это кропотливое дело всей писательской организации. И лучшим итогом предстоящего совещания будет приют новых молодых сил, обогащающих нашу литературу свежими талантливыми произведениями — в прозе, поэзии, драматургии и критике!

— Знаете, он как приехал, как-то незаметно сразу везе своим стал. На всех работах он тут как тут. Да все с шуточной, весело с ним работать.

Среди общего развала, который он застал в колхозе, наиболее запущенным оказалось, если можно так выразиться, хозяйство духовное. Но в какой культурно-массовой работе, собственно, нельзя было и говорить. Негде было даже показать кинокартину. Иредка, от случая к случаю, кинофильмы демонстрировались в полуразвалившейся хибарке, едва вмещавшей в себя два десятка зрителей.

Председателем в колхозе Меншиков застал Корнила Павловича Пятрибртова — типичного представителя того разряда людей, которые, не владея никакой специальностью, делают своей профессией начальствование.

После демобилизации из армии Пятрибртов стал заместителем председателя райисполкома. Оттуда за плечом был переведен на мельницу. Не справившись с работой на мельнице, попал как-то в заводскую отделку райисполкома. А оттуда его рекомендовали в колхоз имени Маленкова.

— Председатель у нас новый, с сельским хозяйством незнакомый, — печально повествовал мне кто-то из стариков. — Да и не то бета, что незнакомый, а то бета, что и озола не имеет знакомства. Главное старание у него к воде. В контроле ранее 10—11 не приходил. За ним, понятно, и бригады не спешат... Когда с грехом пополам управился с осенними работами, Меншиков, осмотревшись в колхозе, сказал:

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 114 (3459)

Суббота, 24 сентября 1955 г.

Цена 40 коп.

Колхозный парторг Иннокентий Меншиков

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

— Пойдите-ка сюда! — заговорщически подмигнув, тихою позой позвал меня Иннокентий Адрианович. — Походите, что для нас с вами автобус подают.

И поспешила выйти из районной чайной, где сидела в ожидании попутной машины. Было часа три дня. Автобус в расползшее погты у самой монгольской границы село Нарын, где в колхозе имени Маленкова работает парторгом Иннокентий Адрианович Меншиков, должен был проходить только поздно вечером. Однако к столбику с дощечкой, обозначающей место автобусной стоянки, свергла непорочной голубиной, действительно полыхали новенький автобус. И через минуту мы с Иннокентием Адриановичем уже катили по шоссе.

Слева, то отходя в сторону, то вплотную прижимаясь к дороге, бежала небольшая ручейка, справа тянулись невысокие, оцепеневшие голыми кустарниками горы. Кое-где скалистые обрывы их едва оставляли возможность разминуться на шоссе двумя встречным машинам.

— Вот ведь как подгадал! — с досадой пожаловался вдруг Меншиков. — Ну, куда тут с трактором суеишься?

Я знала, что Меншиков погдога задал был послан в Нарын из Торея, где он до того работал в райфинотделе. Знала я и о том, что колхоз имени Маленкова давно прочно занимал последние места во всех и всяческих сводках не только по району, но, кажется, и по всей Бурят-Монголии. И теперь, глядя на добродушное с лукавиной в живых голубых глазах лицо Меншикова, я невольно спрашивала себя, может ли этот веселый, мягкий человек стать партийным вожаком большого, трудного колхозника.

О секретаре колхозной парторганизации после сентябрьского пленума ЦК в деревне говорят много. Мне случалось слышать о нужности «освобожденного», то есть всецело занятого только партийной работой, парторга в колхозе от очень разных работников села. Об этом говорят знающие секретари райкомов, инструкторы, рядовые коммунисты и сами секретари колхозных партийных организаций. До глубин всколыхнувшись производственной жизни села подняла духовную активность. Деревне, как никогда, стал нужен человек, который мог бы возглавить этот поток.

Может ли Меншиков стать таким человеком?

— С чего же вы начали? Как встретили вас в колхозе?

— Встретили по-разному, — задумавшись, сказал парторг. — Иные сразу подружились с доверием, но большинство приглядывалось. Начал, конечно, с того, что знаю, — с людей.

И он стал рассказывать о людях. Когда же, приехав в Нарын, мы поехали по селу, вытанувшему в один порядок километра на два вдоль тракта, я увидела, что эти люди за мигнувшие погдога стали уже для Меншикова односельчанами, судьбой которых он не отделил от своей.

То и дело останавливаясь поговорить со стариками, то к другим, то одному с удовольствием передавал от кого-то привет из Торея, другого заинтересованно спрашивал о сыне или снохе, интересовался, получили ли письмо из города... Он знакомил меня с каждым домом, мимо которого мы проходили, рассказывая о его хозяевах, о том, кем и как они работают, как учатся их дети, каков их достаток...

По всей просьбе мы зашли в один из домов. По тому, как уверенно шел мой спутник своей широкой, немного мешковатой походкой мимо всяких зазудок и чужаков, что все здесь для него привычно, как в доме близких людей. И встречали его хозяева, как встречают близкого человека, не удивляясь, с приветливой уважительностью.

И я стала понемногу понимать, какой дорогой вопел в жизнь колхоза этот тридцатипятилетний человек в потертом плаще неопределенного цвета и такого же цвета кепке, с добродушно-лукавым круглым лицом.

Учительница Нарынской семилетки Наталья Михайловна, или попросту Наташа, рассказывала мне:

— Знаете, он как приехал, как-то незаметно сразу везе своим стал. На всех работах он тут как тут. Да все с шуточной, весело с ним работать.

Среди общего развала, который он застал в колхозе, наиболее запущенным оказалось, если можно так выразиться, хозяйство духовное. Но в какой культурно-массовой работе, собственно, нельзя было и говорить. Негде было даже показать кинокартину. Иредка, от случая к случаю, кинофильмы демонстрировались в полуразвалившейся хибарке, едва вмещавшей в себя два десятка зрителей.

Председателем в колхозе Меншиков застал Корнила Павловича Пятрибртова — типичного представителя того разряда людей, которые, не владея никакой специальностью, делают своей профессией начальствование.

После демобилизации из армии Пятрибртов стал заместителем председателя райисполкома. Оттуда за плечом был переведен на мельницу. Не справившись с работой на мельнице, попал как-то в заводскую отделку райисполкома. А оттуда его рекомендовали в колхоз имени Маленкова.

— Председатель у нас новый, с сельским хозяйством незнакомый, — печально повествовал мне кто-то из стариков. — Да и не то бета, что незнакомый, а то бета, что и озола не имеет знакомства. Главное старание у него к воде. В контроле ранее 10—11 не приходил. За ним, понятно, и бригады не спешат... Когда с грехом пополам управился с осенними работами, Меншиков, осмотревшись в колхозе, сказал:

Н. ЧЕТУНОВА

— К Новому году нужно построить клуб! Над ним смеялись открыто и почти беззастенчиво: «Что ж, к зиме дрова пригодятся!».

Меншиков пришел на собрание к комсомольцам:

— Танцевать хотите, ребята?

— Ясно, хотим! А где?

— Где люди танцуют, там и мы будем. Клуб надо строить.

Ребята засмеялись:

— Строить уже.

Однако проголосовали, согласились. Правление колхоза отдало для клуба на слом два ветхих сруба. На объявленном воскресном явилось секретарь комсомольской организации Афанасий Филиппов да сам Меншиков.

— Что же, — сказал Меншиков, — двое пришли, двое и начнем.

И стали разбирать срубы.

— Ох, и упрямый! — смеясь, рассказывала мне та же Наташа. — Можно сказать, один, наперекор всем, он этот клуб строил. Ну, потом уж мы увидели: действительно, будет клуб. Тогда все стали помогать.

И мы и ребята-комсомольцы. Кто что мог. Мы копанали, белали, стескала вставали. Под самым Новым год все ночь полы отмывали. И все-таки Новый год праздновали в новом клубе!

Когда я была в Нарыне, в клубе мне довелось видеть то, что далеко не всегда увидишь в значительно более комфортабельных сельских клубах: лекцию слушали здесь наряду с молодежью и пожилые колхозники и колхозницы, были среди них и древние старики.

Мне довелось побывать в пяти районах Бурят-Монгольской республики, познать, как там и с общей постановкой лекционного дела, и я не боюсь сказать, что культура лекционной работы в забытом, как сказали бы раньше, «богом и людьми» Нарыне стоит выше, чем во многих других, гораздо более богатых и «передовых» уголках.

Два раза в месяц бывают лекции в клубе. — 1—2 раза в месяц читают лекции по местному радио. Кроме того, почти каждая лекция, прочитанная в клубе, повторяется затем на всех животноводческих фермах.

В течение прошлой зимы только силами учителей читались лекции: о моральном облике советского человека, об авторитете родителей, о трудовом воспитании и другие. Учителя-биологи читали лекции о кукурузе.

Разговаривая с колхозниками, видишь, что они хорошо знают о всем том новом, что принесли деревне последние пленумы Центрального Комитета КПСС.

Не говоря учителям ни слова, Меншиков стал аккуратно являться в школу к звонку на первый урок.

— Мы сначала даже сердились: чего ему нужно? — признается учительница. — А теперь благодарны.

Ребята расходились по классам, а секретарь партийной организации колхоза прогуливался в коридоре. Встречал каждого опоздавшего и с полным сочувствием к постигшей мальца неприятности расспрашивал, что же такое заставило его сегодня опоздать?

Вечером парторг приходил к родителям потерпевшего. Вопрос об опоздании тащил за собой другие, завязывались долгие беседы, старшие, кстати сказать, едва ли не первостепенным того досконального знакомства с жизнью колхозников, которое так поразило меня в Меншикове, но без которого вряд ли вообще и возможна плотворная работа колхозного парторга.

Что касается опозданий в школе, то о них теперь не слышно.

К школе вообще у Меншикова наблюдается особая симпатия.

На детских утренниках он с женой и ребятами обязательно сидит с начала до конца. Очень занятно смотреть, когда он маднеего на колечках держит, — как будто свой портрет: точь в точь такой же белообрый, голубоглазый, веселый.

Часто бывает он на родительских собраниях на школьных советах.

Как-то я сказала Меншикову, что хвалит его учителя, говорит, что во всем помогает.

— А что бы я без них делал?! — с необычайной серьезностью сказал парторг.

Во все, однако, в колхозе любят Меншикова. Любую злобу вызвал он у многих, ополчившись на воду. И начал свой поход не с кого-нибудь, а повел атаку прежде всего на пьянство с партбилетом в кармане. И тут Меншиков оказался безжалостным. Никакие соображения о «препятствии», о необходимости щадить авторитет не на него действовали.

И — странное дело! — авторитет нарынской партийной организации не только не упал от строгого наказания пьянств и дебоширов, но резко поднялся в глазах колхозников.

— Ну, а что же с хозяйством? — можете вы спросить. — Главная-то задача партийного руководства в деревне — подъем колхозного производства. Ведь и само воспитание людей невозможно, если развалено хозяйство.

К хозяйственным делам Меншиков подходит тоже как-то по-своему. Взяв, к примеру, хоть такой, очень важный в условиях Бурят-Монголии вопрос, как вскармливание телят «отъемным методом». Дело в том, что здесь телята испокон веков кормятся «подсосным методом», то есть, попросту говоря, телята сосут матку, когда и сколько им заблагорассудится! Налой молока здесь поэтому чрезвычайно низкие и поднять их нельзя,

не произведя своего рода «технологической» революции.

Меншиков, приехав в колхоз, застал господство «подсосного метода». Ему стало обидно от унижающей человека косности. Разве не ясно, что нелепо человеку идти на поводу у коровы?

Так вот с вынесения этой нелепости он и начал свою «революцию». В колхозе не появилось никаких приказов. Только новый парторг зачастил к дояркам. Приехав и начав рассказывать о венцах, совсем даже к делу не относящихся: о разных замечательных открытиях науки, о всяких чудесах в сельском хозяйстве. Потом законил словечко о том, что вот-де в таком-то колхозе хорошие удои, да только там телятам маток сосать не дают. Стал намекать, что хорошо бы и нам попробовать.

Наконец, доярка Шмелева ринулась отвечать тельке. И... через несколько дней тельенок пал. Шмелева испугалась, отступилась. «Подсосники» торжествовали: вот он, ваш новый метод!

Дав улепись возбуждению, разговорам, Меншиков повел атаку на «подсосный метод» уже с другого конца.

Он обратился теперь к комсомольской гордости Лиды Леоновой.

— Неужто не найдется у нас смелого человека? Неужто так и стертат комсомольцы, что переловые методы у нас в колхозе на смех поднимают? Или у всех от страха поджилки трясутся?

И Лидя не вытерпела.

Отняла одного тельенка, другого, третьего. Все они зарывались, с удовольствием пили молоко сначала с Лидиных рук, а там и прямо из сосулы. А матери их тем временем прибавляли и прибавляли удои.

Меншиков добился от правления денег на приобретение Лиды. Доярка сразу вышла на первое место по надоям, а стало быть, и по зароботкам.

Лидя была сломан.

Недавно Меншиков с торжеством писал мне:

«Сейчас уже в колхозе насчитываются 34 тельенка отъемных, и отъем продолжается. Уже отъемным методом занимаются 17 доярок. С остальными пятью веду работу. Отдельные коровы замечательно увеличили надой: дают по 10—15 литров в сутки!».

Лучше, что имеется в колхозе, — опцевенное состояние, но и оно также было в запущенном состоянии. Овчарник стоял без крыш и разваливался от ветхости.

Меншиков затеял строительство овчарника. После успешной постройки клуба говорить о новом строительстве с людьми уже было легче. А когда начали строить, опять секретарь парторганизации руководил прежде всего тем, что горячий всех работал на стройке.

В долгих зимних беседах со стариками, в каждойдневной толчее дел доискивался Иннокентий Адрианович той точки, опершись на которую можно было бы повернуть на подъем всю нарыньскую жизнь.

И стало ясно, что не зря все ищут в газетах о центральной фигуре в колхозе. Фигура Пятрибртова стояла в центре их колхоза явно неуместно. Но где взять тогда председателя, чтоб и умелый, и честный, и трезвый?!

Спешить Меншиков не любил. Жизнь чувств как-то очень ладно уживается в нем с нетерпеливостью, даже медлительностью решений. И интересно, что, пожалуй, эта именно особенность его характера больше всего нравится колхозникам.

— Надежный человек! — говорят о нем. — Зря шуму не делает. Впопыхах дел не решает.

Так, не спеша, в разговорах все чаще наталкивались на имя человека, которого нарыньцы знали и уважали, — бывшего колхоза-то у них председателем Романа Платоновича Григорьева.

— Мужик трезвый и дело любит, — говорили колхозники, — а что не поладил тогда в чем-то с районным начальством, так это кто их знает!

Но и тут торопиться не стали. Обсудили в райкоме, в обкоме и решили пригласить Романа Платоновича в заместители.

К весеннему севу Роман Платонович приехал в Нарын.

Что же, выходит, все теперь в Нарыне, как говорится, в гору пошло?

Когда я что-то похуже сказала Меншикову, он даже испугался и замалал руками. Потом привел меня к старому бригадиру Кузьме Николаевичу Котову и сказал:

— Вот его послушайте-ка!

И Кузьма Николаевич стал обстоятельно рассказывать мне о том, что в колхозе дозарезу не хватает людей, — сотни человек не вернулись с войны, а сколько пошло в город... Большую пользу колхозу принесло бы электричество. Но сельэлектростанция отказала колхозу в просьбе подключить его к сети Тюркской ГЭС. Походкой электростанция тоже не дает... Говорил про то, что нет кровельного материала, говорил, что мелко наштуп трактористы.

— Для чего вы заставили меня выслушать все это? — спросила я Иннокентия Адриановича, когда мы вышли от Котова. — Не для того ли, чтоб показать, что сделать больше того, что вы здесь сделали, невозможно?

— Нет, для того, чтобы доказать, — лукаво сощурился, возразил Меншиков, — что можно и обязательно нужно делать и многое другое.

Зная настойчивость терпеливого парторга, убившего в пользе нового и неподавайных нарыньских доярок, можно надеяться, что он найдет путь к решению и других вопросов.

Пожелаем ему удачи!

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ АССР

Завтра — День танкистов

В глубине целинных земель Казахстана, на севере Южечетавской области, неподалеку от озера Есальи раскинулись строения и поля совхоза «Кантемировское».

Откуда произошло это название, что оно означает? Может быть, большинство работников совхоза — переселенцы из Кантемировки, районного центра Камениской области?

Онавыяснить, нет. Название совхоза дорогого его основателям потому, что имя «Кантемировская» присвоено их гвардейской танковой дивизии. В начале года знаменитая дивизия провела на целину более ста танкистов, которые, уловившись в запас, решили отправиться в Казахстан, чтобы показать себя в мирном труде земледельца. Снимок, который мы сегодня публикуем, сделан весной, в разгаре сева на полях совхоза «Кантемировское». М. Духов (слева) и М. Черемной — сегодняшние трактористы первой бригады — служили в одном танковом взводе Кантемировской дивизии...

Завтра, в День танкистов, наша страна будет чествовать командиров и водителей танков, башенных стрелков и военных механиков — всех солдат и офицеров бронетанковых сил. Наш народ никогда не забудет доблести, проявленной ими в титанических боях с захватчиками, и не устанет восхвалять мощь своих танковых войск, пока существуют те, кто пытается разогнать с позиций СССР «агрессивные силы». Этот день — и праздник вчерашних танкистов, тех, кто трудится сегодня в заводских цехах, в МТС, на колхозных и совхозных полях.

Фото А. ПАХОВОМОВА

К 50-летию со дня рождения Петра Глебки

В связи с 50-летием со дня рождения известного белорусского поэта Петра Федоровича Глебки правление Союза писателей СССР обратилось к нему с приветствием, в котором отмечает, что своей творческой деятельностью он внес значительный вклад в белорусскую советскую литературу. В лучших стихах и поэмах П. Глебки отобразил жизнь белорусского народа на различных этапах его исторического развития, вдохновенно рассказал об успехах трудящихся нашей страны в развитии социалистической экономики и культуры. Белорусская интеллигенция хорошо знает П. Глебку и как одного из лучших в республике ученых-языковедов.

Приветствие заканчивается пожеланием юбилюру новых творческих успехов на благо нашего народа и его литературы.

Петро ГЛЕБКА
СТРОИТЕЛИ
Мы нынче завершили новый дом, Последние слес с фасада сняли, И дом на солнце пылится огнем, Как чистый слиток благородной стали. На паркетную доску опёрши, Я с десятиэтажной той вершины Ваглянул на мир. Визгил змеиная жизнь, Бежал троллейбус, Дизелились машины. Колхозные машины проехали Мешки на рынок. Шумные детишки Бежали на занятия вприпрыжку, Гудки заводов слышались вдали.

И только дом пока еще молчал. Над ним сквозное облачко повисло. И легкий ветер бережно качал. Бежал низких берегов крутую Свислочь. Но вот грузовики, как битогои, Прерывисто дыша, пришли с поклажей. Раздались в доме первые шаги, Повезло дымок с свежей сажей. Цветы видны в распахнутом окне, Послуду слышен гомор аногустый, Дом оживает, входит в строй. Но мне, Признаться, в этот миг немножко грустно. Да, я грущу, и знаю отчего: Мне расставаться с этим домом надо. А всю душу вкладывая в него, Вот в эти стены, в эту ширь фасада, Я на площадке нижнюю схожу, Перила нежно глядя на прощанье, И впоследствии взглядом обожую Подъезд парадный.

А напротив здания Я вижу парня с девушкой. На дом Глядят они. Восторг на юных лицах. Глядят и тихо говорят. О чем? — Вон рязьшком — пустирь!

Когда родится Наш сын, там тоже будет новый дом... Их разговор мне дорог и знаком! Близки мне их надежды и любовь, Есть для кого строителям работать! Есть для кого стараться! Сердце вновь Стремится на лес, к труду, к высотам! Я сердце людям отдало сполна...

Порозовело небо над домами, За облаком проглянула луна, И озарились улицы огнями. А я стоял и размышлял о том, Что мы вовек покоя не найдем. Запас надежды и сил не иссякнем. Ведь мы не стены ставим, строя дом, Нет, мы людское счастье воздаем.

Дом у меня недавно был Гости с Украины, из Литвы, Восток и нынче гостили, Не хватало жителей Москвы.

Где ж вы, дорогие? То ль дорогу Непогода снегом замела, То ль реки разлились широко, То ль закружили вас дзала?

Только я подумал, — сразу вздохнул Милые, родные москвичи. Есть присловье старое в народе, Лучшего присловья не ищи: Брусского любовью от

От лесосеки до фабрики

3. На плотбище

«Обогрелась» Добринского плотбища, чуть покосилась, встала в землю, брезентовая избушка, стоит в устье впадающей в Каму реки Добринки, в трех-четырёх метрах от самой воды. За вытертым до блеска и усеянным чирьями пятнами столом скачуют две сидице друг против друга молодые женщины. Одна — агент Добринского лесопромоха Валентина Шмырина, другая — бракер сплавного участка треста «Камлессплав» Анна Баранова.

Уже обо всем переговорено. И сейчас Шмырина и Баранова похаживают на двух корытах поодру, которым вдвоем даже можно поспать приятно.

Но идиллия длится недолго: влади слышен шум приближающейся автомашины. Обе женщины тотчас же меняются в лице, становятся строже, подтянутое и друг перестают смотреть одна на другую. У обеих появились в руках карандаши, бумага. Автомашина, между тем, обогнув избушку, останавливается у самой воды.

«Это — одна из машин, доставляющих на плотбище древесину, заготовленную на Вожевском лесопункте, где я уже побывал».

«Женщины так быстро выбегают из избушки, что я не успеваю за ними. Подхожу к берегу и вижу не только бревна, летящие с машины в воду, но и раскрасневшую Шмырину. Размахивая листком бумаги, яростно жестикулируя, наступает она на Баранову».

«Раз в лесу размечено — резонансовая ель, — значит и есть резонансовая! — кричит агент леспромоха».

«Мало чего вы там размечаете, — отвечает представитель «Камлессплава»».

«Гости-то все один! — Думаше, как вы в лесу задролитесь, так и я должна принять? Пиловоичин, второй сор!».

На раздолбленном площадке одной из лесок сидит я, как девушка размечала такие бревна, как резонансовую ель. А здесь, в месте передачи их на сплав, они превращаются в простой пиловоичин. За резонансовую ель, идущую на изготовление музыкальных инструментов, леспромох получил бы в четыре раза больше, чем за пиловоичин...

«Выше госта не прыгнешь, ниже не сядешь. Если прыгнешь не так, — выкатывают бревно в сторону и вызывают инженера! — кричит агент леспромоха».

«Испугалась твоего инженера! Я решаю помирить женщин».

«Успокойтесь, говорю я им, — хозяйню у вас лес один — государство. Хозяйню один, да батины разные! — зло говорит в ответ Баранова».

«Вот так с нечуть не из-за каждого бревна, — жалуются Шмырина».

«Вы ей не верьте! Какого бракера сплав ни поставит, она всех пересидит. Но меня ей пересидеть не удастся никогда!».

«Сущность описанной выше сценки многозначительна. Она свидетельствует еще об одной из несуразниц существующей лесозаготовительной системы».

«Конечно, размечать на лесосеке, не бог весть какой знаток сортиментов древесины (часто это — молодая девушка, недавно работавшая в лесу), могла и ошибиться. Но дело в том, что и старшие, опытные размечатели и бракеры не в состоянии разобраться в той абракадабры «тестов» — как действует в лесной промышленности. Полтора метра «позиции» по одному только пороку древесины, — по пробойке, разберись в таких стандартах! Ежедневно, ежесекундно спорят до хрипоты Шмырина и Баранова, ежесекундно и ежечасно идет по всей Каме спор между лесозаготовителями и сплавщиками. А от всего этого крепко страдает потребитель — бумажная фабрика, стройка! Можно убедиться в этом, пройдя всего несколько шагов от избушки на так называемую сплотовую формовочную сетку, где зарождаются будущий плот».

«Вооруженные длинными баграми, сортировщики стоят на поплавах, обрам-

ляющих коридор — длинную впающую дорожку, и проталкивают туда плавучие мины них бревна. От коридора идут ответвления — дворики. Для каждого сортимента — особый. Но в Дворике, предназначенном для баланса, пусто — поблескивает чистая вода».

«Но гоним! — отвечает мне девушка, похрюкивая длинным багром. — Пиловоичин идет, рудостойка — идет, а баланса не гоним».

«Лукавая улыбка, — такую же видел я на лицах размечки в лесу».

«Опять, как и в лесу, узнаю я о некоей негласной «станковке», вызванной тем, что балансы размечаются ниже, чем пиловоичин, хотя на эти сортименты в общем идет одна и та же древесина».

«Только и бывает баланс, когда бумажник приезжает...»

«Это что еще за бумажник? Мастер пытается улыбнуться».

«Ну, представитель Камского бумажного комбината! Появится человек и стоит тут над нашей душой, у балансового дворики. Целыми днями стоит, заставляя лезть гнать балансы. А если в дворики балансы не лезут, так и вынести застанит. А девчата хуже нет, как бревно обратно из дворики выводить. «Повела корову!» — смеются над такой».

«Рядовые труженики сплава сообщают вам немало любопытных и печальных историй из своей повседневной практики. Просто не верится, что такое происходит между двумя родственными организациями, подчиненными одному и тому же министерству...»

«Инженер леспромоха А. Шнарден раскрасывал о таком случае. Однанды леспромох потребовало 300 кубометров пиловоичина, и он попросил их замощенообразно у сплавного участка. И что же? Оказалось, что тот самый пиловоичин, который накануне леспромохом был сдан сплавному участку вторым сортом, теперь уже фигурировал как первый сорт и обогнал леспромоху много дороже, чем он сам накануне за него получил...»

«Трест «Камлессплав», работающий неудовлетворительно, теряющий много древесины на путях сплава и потому приносящий государству убытки, широко пользуется несовершенством и обилием гостов на древесину, для того чтобы похитить свои грехи, создать видимость финансового благополучия».

«Вред от этой много лет существующей неразберихи со стандартами велик еще и потому, что оно, надо сказать, и породило уже отмеченные нами в предыдущих письмах хищнический стиль лесозаготовок — стиль, при котором пренебрегают значительной частью спеленного дерева, отрезая от него лишь лучшие, наиболее ценные части, превращая в неиспользуемые отходы то, что вполне можно бы пустить в дело, в том числе и на производство бумаги и картона».

«Вопрос об унификации стандартов и сведения их к четырем или даже двум сортам давно дискутируется чуть ли не с 1949 года, но дело так и не движется с места. А что такая унификация больно ударила бы по растоптанному народному богатству, можно видеть из следующего примера: бревно с десятисантиметровым по длине слою гнили идет сегодня в «дрова», то есть бракуется и остается догнать в лесу. Между тем, попади оно хоть на целлюлозный, хоть на лесопильный завод, из него выработали бы много бумаги или строительных материалов».

«Унификация стандартов на лес невыгодна лишь тем, кто увлекается «коммерческой» деятельностью и гонится за получением лишней прибыли, не может и не хочет обратить должное внимание на улучшение самой техники сплава и нормальное снабжение древесиной нашего народного хозяйства, в том числе и целлюлозно-бумажной промышленности».

И. АРЛТИЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной Газеты»

«Камлессплав» Молотовской области,
Добринский сплавной участок треста

Письмо в редакцию Деление по ведомствам

До сих пор в нашей стране существует большое количество общеобразовательных школ, деятельностью которых руководят не органы народного образования, а специальные отделы Министерства путей сообщения и управлений железных дорог. Учатся в них, так же как и в школах отделов народного образования, дети, живущие в одном городе, на одной станции, часто в одном доме, занимаются они по общим программам и одинаковым учебникам, но различаются эти школы разным министерством.

Нужно ли это? Ведь дети железнодорожников уже давно не составляют большинства в железнодорожных школах. Что же касается учителей, то независимо от ведомственной принадлежности работают они в одинаковых условиях, с той только разницей, что органы народного образования не считают своим долгом заботиться об учителях железнодорожных школ, а руководители железных дорог в первую очередь, естественно, думают не о педагогах, а о работниках, обеспечивающих движение поездов.

Я считаю, что объединение школ в одной системе Министерства просвещения создаст лучшие условия для обучения детей, поможет учителям в их учебно-воспитательной работе. Помимо этого, будут сэкономлены значительные средства, которые ныне тратятся на содержание административного аппарата отделов учебных заведений управлений дорог.

С. ГУТОВ,
председатель Московско-Рязанского дорожного комитета профсоюза работников начальной и средней школы

ОТ РЕДАКЦИИ. Имеет ли смысл дальнейшее разделение общеобразовательных школ по ведомствам? Наш корреспондент, обратившись с этим вопросом к начальнику отдела школ главного управления учебных заведениями Министерства путей сообщения СССР тов. Иванову, получил ответ:

«Предложение это правильное, школы нужно объединить, но... делать это сейчас несвоевременно».

По мнению тов. Иванова, немедленной передаче железнодорожных школ в ведение Министерства просвещения мешает ряд обстоятельств. Например, при некоторых железнодорожных школах существуют интернаты, школы, как правило, имеют хорошую учебно-материальную базу, и, наконец, они оперативно контролируются отделами школ управлений дорог. Всех этих благ железнодорожные школы якобы лишатся, если их передадут Министерству просвещения.

«Ясно, что эти доводы тов. Иванова по меньшей мере малоубедительны. Так, например, учебно-материальная база железнодорожных школ, как правило, ничем не отличается от школ Министерства просвещения; никто не будет претпоставлять сохранению интернатов для детей железнодорожников в тех школах, где это необходимо».

Справедливости ради нужно сказать, что в отдельных случаях отделы учебных заведений управлений дорог действительно передали некоторые железнодорожные школы местным органам народного образования, но... задания этих школ требуют капитального ремонта. Так было, например, на Московско-Курско-Донбасской железной дороге. Когда на ст. Люблино железнодорожники решили передать две свои школы районному отделу народного образования, представители Роно справедливо потребовали привести их сначала в порядок».

Несмотря на то, что вопрос о передаче железнодорожных школ в ведение органов народного образования как будто бы совершенно ясно, обсуждается он в заинтересованных министерствах уже не первый год.

«Французская революция! — восклицает Герцен. — Да знаете ли вы, что, породив такую эпоху, человечество отбывает целые столетия? Делая и люди эти торжественных дней истории отдают, подобно маякам, предназначенным освещать дорогу человечеству; они сопровождают человека из поколения в поколение, служат ему наставлением, примером, советом, утешением, поддерживая его в бедствиях и еще более в счастьях...»

«Мы почти позабыли события минувшей половины века, но воспоминания о Революции живут в нашей памяти. Мы читаем, мы перечитываем летописи тех времен, и интерес наш к ним все возрастает при каждом чтении. Таков магнетизм силы Революции, которая и из глубины могилы влияет на жизнь поколения, исчезающего, как говорил Дилте, «подобно дыму, не оставляя никакого следа...»

«И буря страшна, но кто же станет опастивать свойственную ей величественную красоту? Не выезжайте на утлом челе луковчатым грозным зрелищем разбушевавшегося моря — вас поглотит пучина у самого берега. Точно так же, вызывая в памяти эти героические и мрачные времена, не пользуйтесь, чтобы судить о них, маленьким колесом будничной морали, совершенно неадекватным для этих катаклизмов, ошущающих воздух во время грозы, создающих среди завалов. Подобные эпохи не следуют предписаниям какой-либо морали — они сами предписывают новую мораль».

«Заметить, — пишет далее Герцен, — что вся необъятность гения Шекспира заключена в его натуре Протей; Шекспир не раскрасывает, не обвешивает; он не распределяет Монтионовских премий, но сам является Шейлоком, Яго; он одновременно и Фальстаф и Гамлет. Поэт вовсе не судейский следователь, не королевский прокурор; он не обвиняет, он не облачает, особенно — в драме. Повторяю, поэт живет жизнью своих героев; он старается понять, объяснить, все, что есть человеческого даже в преступлении. Пусть тогда старается быть правдивым, а факты представлять больше нравственных выводов, чем в сентенции и афоризмах. Надо было писать некоторые доверие к человеческой природе и к нашему уму».

В заключение Герцен подверг проницательному анализу отдельные сцены пьесы, общаясь поговорить о ней более подробно в следующей статье, которая, однако, в «Лява ду пель» не появилась.

В тридцатитомное издание Академии наук включены все известные французские издания и письма Герцена — на языке оригинала и в сопровождении точного перевода. Таким образом, перед современным читателем предстанут во всей возможной полноте гениальные произведения выдающегося писателя-гуманиста, сохраняющие вечное, неумирающее значение не только для русской литературы, но и для литературы французского народа».

Л. ЛАНСКИЙ

Современники на сцене

А. АНАСТАСЬЕВ

Радостным и ярким событием в нашей художественной жизни явились спектакли приехавшей в Советский Союз Шаосинской оперы. Мы увидели самолюбивое национальное искусство великого народа, которое питало в себя многие традиции древнего китайского театра. Когда вспоминаешь, что классический театр Китая насчитывает около двухсот лет, становится ясно, что это неслучайное богатство. А рядом с этим театром в свободном Китае существует и другой — современный, режиссерской новой жизни.

Современный драматический театр за годы свободной жизни страны добился больших успехов. Разумеется, наибольшая трудность состояла и состоит ныне в создании репертуара, и во время пребывания в Китае мы увидели, как дружно и организованно вылился за решение этой задачи драматургия и театральные деятели. В Шанхае я встретился с группой артистов Народного художественного театра провинции Ляонин, созданным всего лишь три года назад, и они рассказали о программе своего театра, о том, как строятся и создается репертуар.

Какова же эта программа? Директор театра драматург Ань По говорил так:

«Мы должны познакомить зрителей с революционными пьесами, написанными после «движения 4 мая», с произведениями, которые показывают народ в борьбе против японских империалистов и гоминдановцев; зрители ждут, чтобы мы показали им пьесы советских драматургов и драматургов стран народной демократии; мы видим свою задачу в том, чтобы поставить на своей сцене лучшие классические произведения русской и западноевропейской драматургии; наконец, важнейшая наша задача заключается в том, чтобы в новых пьесах и спектаклях отразить современную жизнь народа».

Решая эту последнюю задачу, театр не только ставит пьесы, появившиеся в печати, но активно работает над созданием новых драматических произведений своими силами. Так, например, актер и драматург Ту Ин написал пьесу «Перед новым делом», в которой рассказывается о борьбе передовых рабочих против враждебных элементов в промышленности. В этом театре появились пьесы «Депутатка» Сунь Юй, посвященная теме раскрепощения женщин. Эта пьеса не только вошла в репертуар многих драматических театров страны, но послужила основой для создания спектаклей ряда местных опер. Одним из наиболее интересных драматических произведений в современной жизни деревни является пьеса Ань По «Весенний ветер».

Значительным театральным событием в Пекине являлась постановка пьесы Чань Ци-туна «Десять тысяч рек и тысяча гор». Когда мы приехали в Пекин, спектакль этот, посвященный событиям Великого похода, шел в одном из клубов еженежно уже в течение нескольких недель. И каждый день зал был полон, я, как нам рассказали председатели Союза китайских писателей и министр культуры товарищ Мао Дунь, шестьдесят тысяч пекинцев записались в очередь на приобретение билетов.

Радостная эта массовая тяга людей свободного Китая ко всему новому, что появляется на сцене культуры, в учебных заведениях очень широко развита художественная самодеятельность. Там происходит интересный процесс сближения старого, традиционного искусства с искусством новым и по темам и по стилистическим особенностям. Это — и в драматическом, и в музыкальном искусстве, и в кругах изобразительного искусства. Стремление китайцев к культуре, к знанию всего нового очень ярко проявляется в книжных магазинах. Трудно даже назвать их просто магазинами — это скорее читальни, куда люди, в особенности молодежь и детвора, приходят на то, чтобы внимательно посмотреть или даже почитать книгу; у одного прилавка, скажем, собралась группа студентов, у другого — а то и убожно за столом — расположились ребята, рассматривая очень распространённые в стране книжки-картинки...

Что же вызвало такой горячий массовый интерес к спектаклю «Десять тысяч рек и тысяча гор»? Прежде всего, разумеется, тема его: спектакль воспринимается, быть может, самые героические страницы истории китайской революции, одну из славных побед Красной Армии в борьбе против империалистического захватчиков и их приспешника Чан Кай-ши.

Двадцать лет прошло со времени Великого похода, но сценический рассказ о нем волнует зрителей и сейчас. И это понятно. На памяти у всех героические годы освободительной борьбы, в зале присутствует не один доброволец недавней войны в Корее...

Да, этот спектакль скорее всего может быть назван сценическим повествованием о делах и героях Великого похода. Сюжет его определяется движением Красной Армии, главным действующим лицом — народ, неслучайно в этой пьесе сорок персонажей, и трудно сказать, где тут главные герои и где второстепенные.

Смотреть спектакль — и невольно вспоминается тот этап советского театра, когда на сцене появилась «Первая Конная». Дело даже не в том, что пьеса «Десять тысяч рек и тысяча гор» чем-то близка по своему сюжетному строению пьесе В. Вишневского: сравнение напрашивается потому, что на сцене, как и в «Первой Конной», вновь оживилась грозная атмосфера борьбы, и прокатил перед нами прострел, на первый взгляд, совсем непростые люди, овеянные слабой великого полвита.

Спектакль китайского театра принадлежит к тем произведениям сценического искусства, в которых естественно, глубоко сливаются в единое целое правда бытия и горячая, романтическая интонация. Перед нами выступают картины войны — описанные великой силой устремленности в бой, словно сметая на своем пути все преграды; заревом пожара горит небо; парывы артиллерийских снарядов разносят укрепления неслабых противника. В этих сценах нет и следа натурализма, батальной изобразительности, — они поэтически омыслены, они создают приподнятый, романтический строй спек-

такла. Вот революционный батальон входит в селение народности И или попадает в тибетскую деревню, бойцы встречаются с крестьянами, говорят с ними, и мы чувствуем, как правдиво все это, каккими мыслями живут сейчас герои.

Строго следуя исторической правде, автор пьесы и театр показывают, как сложна, как порой драматична была огромная работа Коммунистической партии Китая по завоеванию деревни веками угнетаемых и гонимых народностей.

До конца предан делу освобождения заместитель командира батальона Ло Шунь-чен — этот боевой, отважный воин, для которого слово «выпред» стало законом жизни. Но не все еще понимает командир,

когда он видит, что в деревне И крестьяне оказывают бойцам глухое сопротивление, когда узнает, что в тибетском селеении засел вооруженный отряд, чтобы навести на его батальон, — ибо тибетцы видели в ту пору во всех пришельцах своих поработителей, — он нарушает приказ и открывает огонь. Ло Шунь-чен отстранен от командования, его место занял молодой командир роты Чжао Чан-фан...

Органично входит в этот боевой романтический спектакль психологический мотив — драма человека, совершившего крупный неверный поступок, пострадавшего за это, но не могущего осознать свою вину перед армией, перед народом. Артист Лян Юй-жу с необычайной искренностью и убежденностью играет своего героя. Во всем его поведении, в разговоре с полдюжком, который всегда был его другом, — перед ним неразрешимый вопрос: как же так, почему его лишили права командования, права, завоеванного им кровью, тяжкими испытаниями? Ведь он открыл огонь ради того, чтобы батальон мог двинуться дальше! Горькая обида и гнев, сомнение в тех, с кем он породнился в бою, смутное ощущение того, что чего-то он не понимает и, наверное, никогда не поймет, потому что война есть война и если на пути к победе и встает препятствие, его надо уничтожить, — вот сложный клубок мыслей и чувств героя. И лишь постепенно, неровно, с трудом входит в его сознание нечто большее, чем необходимость сегодня, сейчас продвигнуться хотя бы на десяток ли вперед, — ощущение великой освободительной и гуманистической миссии, которая легла на плечи его и его боевых товарищей. Со своего командного пункта Ло Шунь-чен разглядел не только лежащие впереди позиции, которые он должен занять, но и тот последний редеут, за которым открывается новая, мирная и свободная жизнь великой страны, всех ее народов. Коммунистическая партия в лице полковника Ли Ю-го (которого с той непоколебимостью, когда терзается грань между искусством и жизнью, играет артист Лян Ма) необходимо расширила его кругозор, вооружила великим знанием конечной цели многолетней героической борьбы китайского народа...

Когда мы выходили из театра и видели вокруг множество энергичных, уверенных лиц людей свободного Китая, снова вспоминается, как много, как почти невероятно много сделали эти люди за годы новой, свободной жизни. И подумалось: большую роль шест в себе образ Ло Шунь-чена. Ведь высшее завоевание Коммунистической партии Китая — это торжество идеи коммунизма, которая распространилась в массах шестисотмиллионного народа и стала материальной силой.

Заметить существенные процессы, происходящие в духовной жизни народа, запечатлеть их в художественных образах — это ли не призвание работников литературы и искусства? И они замечают их, создают новые произведения, в которых действие происходит сегодня, сейчас. Еще серьезные репертуарные трудности испытывает современный театр — об этом прямо и честно говорят китайские писатели и артисты, — но первые и уверенные шаги в отражении нынешней жизни народа драматургами уже сделаны.

В Шанхае, в Народном художественном театре, мы увидели спектакль «Испытание» Си-Яня. Вот краткое содержание спектакля: Дин Вэй назначен директором электротехнического завода, на котором заместителем директора уже давно работает его фронтальный друг, спавший ему на плечи жизни, — Ян Чжуан-ань. После радостной встречи с другом Дин Вэй узнает, что завод работает плохо и виноват в этом прежде всего Ян Чжуан-ань, зазнавшийся, не любящий критики, не дающий ходу творческой мысли рабочих и инженеров. Преподает некоторые недомолвки себе, Дин Вэй с помощью рабочих и партийных работников сплачивает коллектив, совершенствует производство. Между ним и Ян Чжуан-анем происходит тяжелый разговор. Еще до этого разговора жена просила Дин Вэй быть как можно мягче, не забывать о том, что он обязан старому другу жизнью. На это Дин Вэй отвечает:

«Теперь он, Ян Чжуан-ань, оказался в опасном положении, и я должен спасти его».

В этой фразе заключена главная мысль пьесы: настоящая дружба не в том, чтобы полагаться опустившись, поощающего по неверному пути товарища, а в том, чтобы открыто ему нраву, как бы горька и сурова она ни была.

Мысль об инстинктивной дружбе тесно связана в пьесе с идеей критики и самокритики, как непрерывным условием поступательного движения жизни. Молодые рабо-

В КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ

«Испытание» определяет прежде всего то, что она отражает одну из самых существенных черт нынешнего этапа жизни китайского народа. Знакомая с партийной печатью Китая, беседа с партийными руководителями разных провинций и городов, бывая на заводах и в учебных заведениях, мы убедились в том, как глубоко проникла идея критики и самокритики в сознание масс.

Передовые люди Китая привыкли говорить правду в глаза, привыкли смело глядеть на жизненные трудности, чтобы эти трудности были преодолены. Как между собой, так и в общении с друзьями из Советского Союза. С кем бы ни встречались, каждый обращался с настоящей просьбой высказать замечания о работе, помочь критикой и советом...

Думаю об этом, особенно ясно представляется, как современная и актуальная пьеса «Испытание»: она воспитывает у народа великое чувство партийной правды, мобилирует на борьбу с тем, кто своим самонадеянием, своими карьеристскими намерениями мешает строительству социализма. И Шанхайский народный художественный театр — режиссер Цао Лян — сделал многое, чтобы донести главные мысли пьесы и помочь драматургу преодолеть ее недостатки.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы увидели китайских артистов в этом спектакле, — это предельная простота, отсутствие какого бы то ни было наигрыша, полнейшая естественность интонаций, движений — всего, словом, поведения. Поначаду да-

же показалось, что спектаклю грозит односторонность, что ему не хватает эмоциональности, театральной выразительности. Но это только поначалу. Затем мы убедились, что нигде не акцентированная, ничем не украшенная речь, очень скупые движения, необычайно экономные мизансцены — это и есть, повидимому, стиль, который выработался в этом театре. В решающей, ключевой сцене, например, когда происходит тяжелый разговор между старыми друзьями, а нынешними противниками, артисты Гао Чау-шун и Ха Ши были настолько поглощены каждый своими мыслями, так убеждены, хотя и очень сдержанно, говорили, что даже мы, не понимающие по-китайски, были захвачены самой драматической ситуацией. Естественность актерской игры дополняется простотой и полной достоверностью обстановки, костюмов.

Откуда же пришла эта предельная, хочется даже сказать, житейская правда в искусство современного китайского театра? Ведь ясно же, что это искусство далеко отстоит от традиции классического театра, где условность является органическим элементом. Разумеется, многое в современном реалистическом театре Китая накопилось годами и десятилетиями. Китайские артисты и драматурги говорили, что немалое влияние оказывают на театральное искусство советский театр, его реалистические традиции. А многое уже рождено и самой жизнью свободного китайского народа.

Но если поглубже задуматься о взаимоотноении классического и современного китайского театра, то при всех огромных различиях между этими видами сценического творчества, при том, что они развиваются параллельно, не сливаясь друг с другом, нельзя не заметить одну общую черту. Черта эта — глубочайшая, почти лавная вера артиста в то, что он делает на сцене. Убежденность китайских артистов в истинности сценического действия — вот, мне кажется, та общая особенность китайского театра, которая обещает его плодотворное развитие.

В пьесе и спектакле «Испытание» много хорошего, волнующего своей жизненностью, ясностью цели, искренностью. Превосходно, с острым чувством нового, показан быт семьи Дин Вэй, причем, быть может, наиболее заслуги здесь артистки Ли Шунь-чун, которая с такой теплотой показала нам простую женщину, как у нас говорят, домашнюю хозяйку — верную подругу Дин Вэй. Очень интересен образ старшего инженера Шань Юй-чи, человека, который внутренне постиг правду Коммунистической партии, но в силу каких-то давних предрассудков хочет показать себя «консерватором», однако тайно изучает русский язык. Словом, перед нами прошли живые люди нынешнего Китая, представа картина жизни, полной труда и борьбы.

Но в пьесе есть, как мне кажется, и недостатки, характерные не только для этого произведения. Так, думаю, что некоторые герои часто слишком прямолинейны, «влюб» высказывают свои взгляды, слабым местом пьесы являются многочисленные технические разговоры, которые отвлекают внимание от духовной жизни героев; недостаточно мотивировано исцеление к концу спектакля самолюбца и карьериста Ян Чжуан-аня.

Все эти или подобные «болезни роста» хорошо знакомы нам, ими болела и еще не перестала болеть наша драматургия. И здесь хочется сказать о том, что мы, видимо, не всегда чувствуем ту меру ответственности, которая самим ходом жизни возложена на наше искусство. Наши друзья в Китае, в странах народной демократии учатся у советских художников и многому, ценному и дорогому, научились. Но ведь вместе с этим ценным и дорогим, вместе с настоящими достижениями социалистического реализма к нам приходит и то, что отмечено схемой, штампом, где жизненная правда и поэзия уступают место примитиву, иллюстративности, антихудожественной прямолинейности. И надо ли удивляться, что молодые писатели, горячо, искренне желающие перенять опыт советских художников, первой вместе с хоршими берут за образцы и плохое.

Наша задача — помочь друзьям овладеть методом социалистического реализма, а мы порой, выходя на сцену или в печать незрелые, примитивные произведения, наносим вред большому и сложному делу. Плохая пьеса, плохой роман, плохо проведенная литературная дискуссия — все это оказывает плохую услугу нашим друзьям, которые вправе жалеть от советских писателей настоящей, плодотворной товарищеской помощи в овладении методом социалистического реализма.

Сцена из спектакля «Испытание»

Исследователи рассказывают...

«Евразия» 26 сентября исполняется 150 лет со дня рождения знаменитого русского поэта Дмитрия Веневитинова

«Евразия» — одно из значительных произведений Д. Веневитинова, письма его друзьям, друзей и другие бумаги. Автор пьесы давал возможность выверять печатные тексты и изучать варианты произведений, чего до сих пор сделать не удалось. Особый интерес представляют неопубликованные произведения. Важное место среди них занимают рукописи большой исторической поэмы под названием «Евразия», из времени первого татарского нашествия.

В посмертном собрании сочинений Д. Веневитинова были помещены только два отрывка из «неоконченной поэмы». В целом виде она оставалась неизвестной, не знали ее названия. В результате изучения автографов поэта, сохранившихся в виде отдельных черновых набросков, путем сопоставления черновых и рукописных текстов удалось восстановить контуры поэмы, задуманной в нескольких песнях. Она не закончена, однако если в начатых отрывках около 80 строк, то в обнаруженной рукописи содержится более 220 строк, что является полным раскрытием ее содержания.

В дошедших до нас черновых поэмах содержится: вступление с описанием места действия на берегу реки Осетр; явление кометы, происшедшее незадолго до описываемых событий; пир в тереме князя Фелора; отравление рязанских воинов на битву; бой с татарами с участием князя Олега и боярина Евпатия Коловрата. Образы рязанских князей, возглавлявших славянские дружины, картины кровавых боев даны поэтом с большой силой.

Двадцать опытных вождей, давно покрытых сединами, но сильные в старости своей, стоят с готовыми мечами. За ними юный ряд князей, опора веры и свободы. Здесь зрелая молодая Роман, надежда летняя славы, достойная сана воеводы; в блестящем цвете юных лет он в княжеский вступал совет и часто мудростью своею рязанских старцев удивлял. Давно испытанный бронею, в мотыгах битвах ух бывал и полководец с дружиной верной не раз на поле поражаля.

Защиту отечества поэт неразрывно связывает с свободолюбием. Так, князь Олег — батлатор в юной дали летит огнем защищать и в первый раз на поле брани любит к свободе показаться.

Поэма явилась выражением гордости автора за русский народ, который показал себя замечательные национальные качества в борьбе с татарским нашествием. Остается сожалеть, что рано ушедший поэт не закончил произведения, близкого нашему читателю своим глубоким патриотизмом. Поэма в восстановленном виде будет опубликована в избранных произведениях Д. Веневитинова, которые выпускаются Гослитиздатом.

Б. МИРЕНСКИЙ

«Шарлотта Кордэ» Герцен написал на французском языке несколько десятков статей и брошюр. Многие из них были встречены с энтузиазмом французскими читателями, видевшими в Герцене не только замечательного русского художника и мыслителя, но и блестящего мастера прозы.

«Скажу откровенно, я считаю Вас одним из самых выдающихся писателей на нашем языке!» — восклицал в письме к Герцену прославленный французский историк Мишле. А газета «Курье де ль Ероп», публикуя в начале 1857 года на своих страницах одну из глав «Белью и дум», писала в редакционном предисловии: «Обязательное печатаем нами сегодня отрывком — отрывком, переведенным самим автором, — наши читатели, так же как это было с нами каждый раз по прочтении чего-нибудь написанного Герценом по-французски, будут удивлены и очарованы, видя, какой оригинальный характер принимает французский язык под этим русским пером; и

«ДУХ ЖЕНЕВЫ» И АРАБСКИЙ ВОСТОК

Встреча Большой четверки, которая состоялась в июле в Женеве, являлась важнейшим международным событием с момента окончания последней мировой войны и крупнейшим успехом сил мира. Это событие затмило все другие события и произвело огромное впечатление в арабских странах.

Жорж ХАННА,
член Всемирного Совета Мира, ливанский публицист и общественный деятель

Но тот, кто смог пройти три четверти этого пути, невзирая на террор и гонения, тот не свернет с прямой дороги, как бы ни был труден остаток пути.

Движение за мир дает все больше хороших результатов. Арабские народы, как и другие народы, ценят позицию Советского Союза, который и в прошлом и в настоящем всегда выступал и выступает в поддержку этого движения. Такова действительность, которую я с радостью отмечаю в арабском мире. О ней я рад сообщить также и тем, кто находится далеко от арабских стран.

И путешествие, и где бы я ни был — в бейрутских домах или на ливанских курортах, на рынках Дамаска или на улицах Каира, на собраниях и в частных беседах, — повсюду только и разговоров, что о встрече Большой четверки, о Международной научно-технической конференции по мирному использованию атомной энергии, о Международной конференции против атомного и водородного оружия в Хиросиме, о создании в десятую годовщину того дня, когда на этот город была сброшена первая атомная бомба. Люди говорят о предстоящей встрече министров иностранных дел четырех держав, намеченной на нынешнюю осень, о двусторонних переговорах между народами Китая и Соединенными Штатами, о шагах Советского Союза, направленных к дальнейшей разрядке международной напряженности. Люди говорят об этих добрых делах, и эта новая тема вытеснила толки о турецко-иракском и турецко-палестинском пактах, о создании так называемого «средневосточного командования» — то есть о всем том, что пропагандировали глашатая войны и политики «с позиции силы».

А когда добрая беседа вытесняет разговоры, вселяющие страх, тогда описывается атмосфера и открывается простор для конструктивной, культурной и мирной деятельности.

Десять лет прошло с тех пор, как арабские народы вступили в освободительную борьбу против империализма. Ныне они активно участвуют во всемирном движении сторонников мира. Арабские народы уверенно вступили в битву за мир и стойко преодолевают трудности, которые создают на их пути империалисты и их агенты. Арабские народы полны решимости идти до конца по этому пути, не считаясь с трудностями.

Силы мира в арабских странах приветствуют инициаторов создания новой, мирной атмосферы; они проталкивают руку силам мира во всем мире.

Новые веяния на Арабском Востоке продиктовали мне эту статью. Я писал ее с чувством большой радости. Пусть эта радость разлетит все, что прочтет статью в стране, несущей знамя мира, первой среди борющихся за дело мира.

БЕИРУТ

...По улицам английского города Лидса движется колонна людей, несущих плакаты с призывами запретить атомное оружие, добиться решения вопроса о разоружении, продолжать переговоры между великими державами. Это — демонстрация, организованная местным Комитетом защиты мира в связи с нападением в Нью-Йорке заседателями подкомитета Комиссии ООН по разоружению, Насколько призывы к миру отвечают настроениям и чаяниям простых англичан, можно судить по тем теплым приветствиям, которыми, по свидетель-

БОРЬБА ЗА МИР В АНГЛИИ

Демонстрация в Лидсе * Тринадцать профсоюзов требуют запрещения атомного оружия * Письмо четырех членов парламента * «Пикник мира» в Гайд-парке.

Широкий размах приняло в Англии движение за запрещение атомного и водородного оружия. Активное участие в нем принимают профсоюзы. По сообщению секретариата Всемирной федерации профсоюзов, тринадцать профсоюзов Англии, объединяющие 3 800 000 трудящихся, приняли на своих годовых конференциях резолюции, в которых требуют запрещения атомного оружия.

В одном из последних номеров журнала «Нью стейтсмен энд нейшн» опубликовано письмо члена английского парламента Феннера Брокьюда, Джорджа Крэдлока, Антони Гринвуда и Сиднея Силвермена. Они заявляют о своей поддержке кампании за запрещение применения и испытания водородного оружия.

Деятельность сторонников мира в Англии носит самые различные формы. Например, в воскресенье 4 сентября в лондонском Гайд-парке состоялся большой «Пикник мира», организованный Национальной ассоциацией женщин. Много семей трудящихся пришло сюда в праздничных нарядах, с плакатами, изображениями голубя мира, букетами цветов.

Требование о сокращении срока военной службы поддерживают сейчас широкие слои английского народа. Повсеместно организуется сбор подписей под петициями, направляемыми членам парламента. Тридцать молодых англичан из Шордича (район Лондона) послали петицию члену парламента от этого избирательного округа В. Коллинсу и добились встречи с ним. Сейчас, как сообщают еженедельник «Челленджер», делегация молодежи предполагает посетить более чем тридцать членов парламента с тем, чтобы убедить их выступить за сокращение срока военной службы.

В одном из последних номеров журнала «Нью стейтсмен энд нейшн» опубликовано письмо члена английского парламента Феннера Брокьюда, Джорджа Крэдлока, Антони Гринвуда и Сиднея Силвермена. Они заявляют о своей поддержке кампании за запрещение применения и испытания водородного оружия.

Деятельность сторонников мира в Англии носит самые различные формы. Например, в воскресенье 4 сентября в лондонском Гайд-парке состоялся большой «Пикник мира», организованный Национальной ассоциацией женщин. Много семей трудящихся пришло сюда в праздничных нарядах, с плакатами, изображениями голубя мира, букетами цветов.

Требование о сокращении срока военной службы поддерживают сейчас широкие слои английского народа. Повсеместно организуется сбор подписей под петициями, направляемыми членам парламента. Тридцать молодых англичан из Шордича (район Лондона) послали петицию члену парламента от этого избирательного округа В. Коллинсу и добились встречи с ним. Сейчас, как сообщают еженедельник «Челленджер», делегация молодежи предполагает посетить более чем тридцать членов парламента с тем, чтобы убедить их выступить за сокращение срока военной службы.

Перемены в Закжувке

Мария ЯРХОВСКАЯ,
польская писательница

Я думаю, что Бжезюку с самого начала хотелось поехать на курсы заведующих сельскими кинотеатрами. Однако он не рассчитывал, что пошлют его, и поэтому говорил:

— Раньше жили без кино, и было совсем неплохо, зачем оно нужно нам? Если все-таки выбрали именно его, то потому, что никто больше не хотел уезжать из дома на целый месяц.

Когда люди говорили о Бжезюке, то всегда возникали споры. Одни утверждали:

— Бжезюка все любит.

Ругавшие его не оставляли на нем сухой нитки. Говорили, что осенью, когда деревья гнутся под тяжестью плодов, Юзеф Бжезюк немалым ходит с мешком по чужим садам. Впрочем, он и сам почти не отрицал этого. По его мнению, взять что-нибудь, чтобы съесть самому, а не для продажи, — совсем не грех.

Но что касается голубей, то этого он никогда не признавал. Бжезюк клялся, что они сами летят в его голубятню. Благодарная птица чувствует, где ей хорошо.

Но даже те, кто был на стороне Бжезюка, не отрицали одного: тяжелая работа не по нему. Зато он мастер по установке капканов на зайцев и ловле рыбы в озере, лучше всего ночью, на свет. Многие охотники вспоминали, что Бжезюк в свое время не побоялся выступить против самого графа.

— Какой же вы ясный пан, если у вас даже часов нет, — дерзко заявил он помещику, когда тот приказал в дни уборки сократить время обеденного перерыва...

Искжичскому доверили все. Никто не умел так ухаживать за лошадьми, как он. Если у кого не хватало гвоздей, если кому понадобился мешок или звук кончился ранние времена, все можно было найти у Искжичского. Степанный хозяин, хотя неказист и немного увален. Перед праздниками людям не надо было ездить в местечко — Искжичский умел постричь не хуже парикмахера.

Искжичский отнюдь не настаивал, чтобы его послали на курсы. К тому же надо настаивать новую крышу на овин. Но, учитывая интересы сельскохозяйственного кооператива, он согласился.

Человек из «Фильма Польского» сердился на собраниях.

— Ни с одним кооперативом в воеводстве не было столько хлопот. Все сочли за честь иметь постоянное кино. Такая установка стоит миллионы złotych.

Председатель записался, как мог. В других местах люди, наверно, лучше, — в Закжувке и без кино достаточно неприятностей. Идешь орудовать богачи, им-то кооператив не нужен. В других местах, наверно, выдирали стекло у заведующего фермой, когда у него начекали землемеры. И люди, вроде Масловского, не спускали нарочно воду из пруда, чтобы затопить 27 га кооперативной скважины. И Кютек, наверно, не платил организму по 5 килограммов меда, чтобы тот звонил в колокола, мешая обсуждению устава кооператива на собраниях.

Но все же на установку кино согласился. Не хотелось, чтобы их кооператив занял последнее место в воеводстве...

Вскоре Бжезюк и Искжичский прислали с курсов открытки. На одной стороне были приветы, на второй — вид трассы В-3.

К их возвращению в клубе уже висел экран, а на дворе появилась деревянная пристройка для мотора. Представитель из «Фильма» говорил, что мотор — самая ценная часть установки. Его надо беречь, как зеницу ока.

Искжичский заказал у кузнеца висячий замок и тут же поспешил к Бжезюку из-за ключа. И тогда выплыло, что на курсах Юзеф провалился во время экзаменов. Ему даже не хотели выдать справку, потому что он не умел читать и писать. Но в моторах Бжезюк смеялся хорошо. Наконец, руководителем курсов решил, что заведовать кинотеатром будет Искжичский, а Бжезюк станет его помощником. Вот почему Искжичский не соглашался теперь, чтобы ключ находился у Бжезюка. Ведь, в случае чего, отвечать будет заведующий, а не помощник. Но Бжезюк не захотел отдавать ключ — он-то и ночью всегда заглядывал сюда, а Искжичский, соня, может все прозевать.

С тех пор они косились друг на друга, даже когда вместе пусkali фильм. Первые сеансы продолжались часто до полуночи, но было еще навика. Но люди не обижались, сидели терпеливо, хотелось знать, ка-

кой будет копей. Ведь из всего кооператива один только счетовод бывал в городском кино.

Бабушка Падецьковская говорила, что она до самой смерти не узнала бы, как выглядит парод, если бы не кино. Благодаря кино весь мир стал как-то ближе. Люди охотнее стали читать газеты, лучше понимали их.

Просто трудно было дожидаться субботы и воскресенья, когда показывали фильмы. А женщинами больше не приходилось успокаивать ребят, они приучились спать на руках и при музике.

Все члены кооператива ходили в кино. И все же в зале было еще много места. Из остальных жителей деревни приходил только Бронек Братек. Не только потому, что ему нравилось кино. В Дозыи у Братека была невеста, и ему хотелось похвастаться перед ней своей культурной жизнью.

Искжичский думал, думал и однажды позвал Васека.

— Васек, хочешь ходить в кино за четверть билета?

— Хочу.

— Тогда найди еще одного парня и следите, чтобы никто не срывал объявлений. А я буду доплачивать вам к билетам.

С тех пор объявления о сеансах висели на следующей смене программы.

И все же, кроме кооператоров, попрежнему никто не ходил в кино.

Нетрудно было догадаться, что это работа Гняздовской.

Гняздовской нельзя было ни в чем упереться, пока жил ее муж. Другое дело, когда пришла известие из больницы. Она ужасно ругалась и всех проклинала:

— Пусть уж будет война, чтобы всех из кооператива поубивали, раз больше нет моего мужика!

Гняздовский умер совсем не из-за кооператива. Просто обжегся клецкой в жару, залил холодной водой, вот и скрутило его, даже оперировать не успели. Но Гняздовская, словно голову потеряла, и только твердила: исполнилось предсказание Масловского — кооператив принес нам несчастье.

Она тут же вышла из кооператива и с тех пор пакостила на каждом шагу.

Земля у нее было не больше, чем на ладонь прыжок. И все же ей жилось неплохо. Враки о кино выдумывали, конечно, Кютек, Масловский, Шпунука — владельцы 32 гектаров земли. Но верили в деревне больше Гняздовской. Она ведь собственными глазами видела, что показывали в кино. Через разведала матерь болело и были ее хвосты. А дальше такое делалось, что она от стыда прикрывалась платком и ни за что никому не рассказывала...

— Если бы я знала, — взорвало однажды Искжичского на собраниях партийной организации кооператива, — ни за что бы не была бы на эти курсы. Задолбали меня голову, глаза от чтения на лоб лезли, чтобы потом на экзамене спросить: что же ты, брат, знаешь? Не только мне, но и другим польза должна быть. Чтобы кино сделало деревню сознательной. А я не справляюсь. В руководстве «Фильма Польского», наверно, думают, что напрасно с дураком возились. Раз у нас такая плохая посещаемость, значит, я не умею руководить. Лучше совсем отказаться, чем работать плохо и чтобы в деревне клеветали, что я пакости показываю. Я напишу, чтобы кино забрали совсем.

Все молчали. Неожиданно встал Бжезюк. Он прямо не отвечал Искжичскому, ведь они были в соре. Но всем объявил: в субботу зал будет полным. Надо лишь начать познее, в семь часов.

В субботу, в 7.15 все ступая в клубе были заняты. Некогда было спрашивать у Бжезюка, как он этого добился.

Тайна раскрылась, когда заведующий из его помощника снова поспешил. Бжезюк стал требовать у Искжичского возврата денег, затраченных на волю.

— На какую волю?

— На рюмочку для музыкантов. Искжичский, может, воображает, что в субботу люди пришли в кино просто так, за здоровьем живешь? Бжезюку было известно, что вечером в деревне состоится гулянье. С самого начала он начал угощать музыкантов водкой. Делал это незаметно и водки не жалел. Под вечер скрипач не мог уже держать смычок, а тромбонист — дуть в тромбон. Они даже взяли кустов смордлин, забыв обо всем на свете, а люди

стояли кругом и ругались. Некоторые пришли на гулянье издалека, принарядились, и все зря. Тут-то и явился Бжезюк. Вежливо обратился ко всем собравшимся:

— Мы покажем сегодня очень хороший фильм. Стоит посмотреть. А если окажется, что враги чертят нас не попустому, то я торжественно обещаю каждому вернуть деньги за билеты и даже добавить столько же из собственного кармана.

Старки не двинулись с места, а молодые пошли. Риска ведь никакого! Да и музыканты, может, тем временем протрезвятся...

Искжичский денег за водку не вернул, и Бжезюк очень обиделся, хотя правда была на его стороне. Ведь именно благодаря ему все стало с тех пор по-другому в кино производственного кооператива Закжувек. Стоило только положить начало. За молодыми потянулись и старки. Убедившись, что Гняздовская врет, они потеряли к ней доверие.

Теперь по субботам и воскресеньям в клубе было полно народу. Но дело не только в кино. Люди как-то сблизились между собой. Раньше говорили так: деревня Закжувек и кооператив Закжувек. Хотя кооператив располагался в самом центре деревни, люди держались друг от друга особняком.

Одни ругали других «помещичьи лакеями», а те, в свою очередь, звали кооператоров «хозяевами на куче навоеза».

Кино помогло простить взаимные обиды. Сначала говорили о фильмах, а потом и о жизни, о хозяйстве. Закжувекским крестьянам нравилось, что изменю к ним в кино ходили люди из всей округи, словно на богомолье. Людям не приходилось краснеть за кооперативное хозяйство. Показывать было что.

Изменились как будто и сами Искжичский с Бжезюком. Искжичский двигался быстрее, перестал жаловаться, что на него сваливают всю работу, как будто, кроме него, нет никого. Бжезюк втихомолку учился грамоте. Ему было стыдно перед детьми, что он не умеет читать надписи в кино. Даже чужие голуби перестали залетать в его голубятню.

Уже не один житель Закжувки интересовался условиями приема в кооператив...

Однажды в безветренный вечер раздался страшный грохот. Никто не мог толком разобрать, что случилось. Казалось, взорвалась мина или сбросили бомбу. Никому, конечно, и в голову не могло прийти, что это Кютек подпалил старый каштан.

Вскоре люди увидели на фоне потемневшего неба склоненное дерево. Оно повисло над самой крышей деревянной пристройки, где находился мотор. На короткое время дерево удерживалось густыми кронами молодых дубков.

Все стояли, словно остоленые. Казалось, достаточно одного взлоха, могучее дерево упадет и придавит мотор — самую ценную часть кинотеатров.

— Нас слишком мало, не справимся, — бесшумно прошептал Бжезюк.

Искжичский уже бежал по деревне. Он был палкой по куску жести, который схватил во дворе, и кричал диким голосом:

— Люди, кино вам разрушат, не будет кино! Люди, люди!

Открылись двери, крестьяне выбежали с жердями, с веревками, как на пожар. Дали собаки, женщины собирались на середине дороги.

В темноте чей-то голос поддал команду. Все ушли столаря. Еще недавно он говорил: кто-то, а я не дам сблизиться себя этим кино. И вот по его приказу дерево полетело жердями, оцелили цапками, дернули в сторону. Раз, два, три! Их было много. Вся деревня. Дерево с треском рухнуло, несся весь угол пристройки. В спешке Бжезюк поранил себе руку. Но мотор был цел.

— Соседи, — кричал Бжезюк странным тонким голосом, — соседи! Я вам сейчас даром покажу кино. Пусть снимают меня за это работы!

Его поблагодарили, в субботу и так все прядут.

Долго еще не расходились люди, обсуждая происшествие. А когда кругом стало совсем тихо, лишь звенели сверчки, кто-то сказал шепотом:

— Я бы уже не мог жить без кино.

— Без кино и по-старому, — добавил другой уверенным голосом.

ВАРШАВА

М. Ботвинник о турнире в Гетеборге

Закончилось самое крупное шахматное соревнование нынешнего года — межзональный турнир в Гетеборге. Как известно, девять его победителей получили право участия в турнире претендентов, победитель которого в 1957 году встретится в матче с чемпионом мира М. Ботвинником.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил гроссмейстера Михаила Ботвинника поделиться своими мыслями о межзональном турнире. Вот что сказал гроссмейстер:

— За некоторым исключением, турнир в Гетеборге собрал очень сильный состав участников, а это и определило высокое напряжение турнирной борьбы. Блестящего успеха добился Давид Бронштейн, — пожалуй, это самый большой его успех за последние четыре года. Дело не только в том, что он не имел ни одного поражения; его игра отличалась большой энергией и смелостью. Мне, да и многим другим, наверное, надолго запомнится встреча Бронштейна с Кересом. Поеды Бронштейна в этой партии, по сути дела, решила исход борьбы. Второе место, вновь показав себя опасным противником для любого из нас. Большого признания, ожидал я от чемпиона СССР Ерма Геллера.

Тигран Петросян в крупных международных соревнованиях неизменно занимает четвертые-пятые места. Не следует ли этому одаренному гроссмейстеру играть несколько смелее и инициативнее?

Борис Спасский, приехавший на турнир из Бельгии, где он стал чемпионом мира среди юношей, тоже попал в число девяти. Ему вместе с вдумчивым, серьезным армянским шахматистом Оскаром Панно, занимающим третье место, и чехословацким мастером Мирославом Филдлом будет присвоено звание международного гроссмейстера. Вновь подтвердил свою силу венгерский гроссмейстер Ласло Сабо. И, наконец, в числе девяти оказалась аргентинский гроссмейстер Герман Пильник.

Таким образом, в первую девятку из шести советских шахматистов, выехавших в Гетеборг, попали пятеро. Это — новое достижение советского шахматного искусства.

Не обошлось и без неожиданностей. К ним следует отнести чересчур скромный результат аргентинского гроссмейстера Мигуэля Найдофа.

Хотелось бы отметить добрым словом игру гроссмастера мастера Андрея Фудерера. Проведенные им в начале турнира, свидетельствуют о том, что от этого 23-летнего мастера можно ждать незаурядных достижений.

Турнир кандидатов, который состоится 26 марта, по всей видимости в Голландии, будет посвящен памяти Александра Алехина. В его составе: Смыслов (победитель прошлого турнира кандидатов), Бронштейн, Керес, Геллер, Петросян, Спасский, Панно, Сабо, Филип и Пильник.

Одним из кандидатов на звание чемпиона мира в 1957 году является Ласло Сабо. И, наконец, в числе девяти оказалась аргентинский гроссмейстер Герман Пильник.

Таким образом, в первую девятку из шести советских шахматистов, выехавших в Гетеборг, попали пятеро. Это — новое достижение советского шахматного искусства.

Не обошлось и без неожиданностей. К ним следует отнести чересчур скромный результат аргентинского гроссмейстера Мигуэля Найдофа.

Хотелось бы отметить добрым словом игру гроссмастера мастера Андрея Фудерера. Проведенные им в начале турнира, свидетельствуют о том, что от этого 23-летнего мастера можно ждать незаурядных достижений.

Турнир кандидатов, который состоится 26 марта, по всей видимости в Голландии, будет посвящен памяти Александра Алехина. В его составе: Смыслов (победитель прошлого турнира кандидатов), Бронштейн, Керес, Геллер, Петросян, Спасский, Панно, Сабо, Филип и Пильник.

Одним из кандидатов на звание чемпиона мира в 1957 году является Ласло Сабо. И, наконец, в числе девяти оказалась аргентинский гроссмейстер Герман Пильник.

Таким образом, в первую девятку из шести советских шахматистов, выехавших в Гетеборг, попали пятеро. Это — новое достижение советского шахматного искусства.

Не обошлось и без неожиданностей. К ним следует отнести чересчур скромный результат аргентинского гроссмейстера Мигуэля Найдофа.

Хотелось бы отметить добрым словом игру гроссмастера мастера Андрея Фудерера. Проведенные им в начале турнира, свидетельствуют о том, что от этого 23-летнего мастера можно ждать незаурядных достижений.

Турнир кандидатов, который состоится 26 марта, по всей видимости в Голландии, будет посвящен памяти Александра Алехина. В его составе: Смыслов (победитель прошлого турнира кандидатов), Бронштейн, Керес, Геллер, Петросян, Спасский, Панно, Сабо, Филип и Пильник.

Одним из кандидатов на звание чемпиона мира в 1957 году является Ласло Сабо. И, наконец, в числе девяти оказалась аргентинский гроссмейстер Герман Пильник.

Таким образом, в первую девятку из шести советских шахматистов, выехавших в Гетеборг, попали пятеро. Это — новое достижение советского шахматного искусства.

Не обошлось и без неожиданностей. К ним следует отнести чересчур скромный результат аргентинского гроссмейстера Мигуэля Найдофа.

Хотелось бы отметить добрым словом игру гроссмастера мастера Андрея Фудерера. Проведенные им в начале турнира, свидетельствуют о том, что от этого 23-летнего мастера можно ждать незаурядных достижений.

Турнир кандидатов, который состоится 26 марта, по всей видимости в Голландии, будет посвящен памяти Александра Алехина. В его составе: Смыслов (победитель прошлого турнира кандидатов), Бронштейн, Керес, Геллер, Петросян, Спасский, Панно, Сабо, Филип и Пильник.

Одним из кандидатов на звание чемпиона мира в 1957 году является Ласло Сабо. И, наконец, в числе девяти оказалась аргентинский гроссмейстер Герман Пильник.

Таким образом, в первую девятку из шести советских шахматистов, выехавших в Гетеборг, попали пятеро. Это — новое достижение советского шахматного искусства.

Заботы мистера Брауна

В любой профессии есть свои особенности, свои трудности и радости. Журналистика — не исключение. Журналист знает, что значит выражение — «благодарная или неблагоприятная тема. Скажем, текущая очередная статья американского журналиста Брауна, появившаяся на днях в Вашингтонской газете «Стар», никак нельзя назвать неблагоприятной. Браун явился писать о перспективах советско-американской торговли. Это ему очевидно обсуждают сейчас многие органы печати в США, да и не только органы печати.

В сентябрьском номере журнала торговой палаты США «Нейшн бизнес» приведены слова известного американского государственного деятеля Корделла Халла: «Торговля и внешнеэкономические отношения могут оказаться противником для войны». Как актуальна эта мысль сейчас, перед Женевским совещанием, когда согласно директивам Глав правительства четырех держав министры иностранных дел должны изучить меры, которые могли бы привести к постепенному устранению барьеров, препятствующих свободному общению и мирной торговле между народами!

«Нейшн бизнес», как и ряд других американских журналов, указывает на возможность значительного расширения советско-американской торговли и отмечает, что Советский Союз и страны Восточной Европы могут представить «рынок для американского оборудования, техники и продовольствия на миллионы долларов». Понятно, что это имеет серьезное значение для экономики США, в которой проблема экспорта остается одним из самых узких мест.

«Нью-Йорк таймс» сообщила, что вопросы, связанные с советско-американской торговлей, сейчас служат предметом официального обсуждения в Вашингтоне. Как заявил в заключение своей серии статей о поездке в СССР главный редактор газеты «Де Мойн Реджистер» Лорен Сот, США смогут многое выиграть от торгового обмена с Советским Союзом.

Это мнение разделяют самые широкие круги в США. Таким образом, тема, о которой обратился обозреватель Вашингтонской «газеты»

«Стар», открывает широкие возможности именно для американского журналиста. И тем не менее она доставила немало забот мистру Брауну, ибо поставил перед собой неблагоприятную задачу — доказать своим читателям необходимость сотрудничества с остью развития советско-американской торговли.

Мистеру Брауну пришлось вступить в единоборство с фактами, которые может видеть каждый американец.

Обозреватель газеты «Стар» вынужден признать, что требования расши-

рить торговлю с Советским Союзом, отказать от политики торговой дискриминации в Соединенных Штатах — исходят не только от политических деятелей, но также и от влиятельных промышленных и банковских центров». Да и как же не признать это мистру Брауну, если, например, одна из крупнейших американских монополий — допозвоная компания «Дженерал моторс корпорейшн» заявила, что готова вести дела с Советским Союзом?

С беспокоеством сообщает обозреватель Вашингтонской газеты и о том, что многие члены конгресса США, побывавшие в СССР, собираются «начать в январе в конгрессе кампанию за улучшение отношений с коммунистическим миром путем широкой торговли».

Готовя свои статьи для газеты «Стар», мистер Браун не испытывал недостатка в подобных высказываниях. Скорее, наоборот, он тяжело страдал от их избытка, ведь, рассудку вопреки, наперекор стихиям, Браун выступает против расширения торговли между СССР и США. Доводов же в защиту своей позиции у него нет и не может быть. Не признавать же, в самом деле, мистру Брауну, что он попросту не хочет примириться с окончанием «холодной войны», с разрядкой напряженности в международных отношениях, которая так радует миллионы простых людей Америки и всех других континентов!

За отсутствием доводов мистер Браун прибегнул к испытанному в годы «холодной войны» средству: антисоветской клевете. Он заявляет, что США якобы не должны соглашаться с торговлей с Советским Союзом, пытаются заигрывать читателям Советской страны, очернить советский строй и миролюбивую политику Советской страны. Мистер Браун против фактов, но факты — против мистера Брауна.

А факты говорят, что расширение международной торговли давно стало насущным требованием в США, как и повсюду. И как раз в этом — свидетельство правильности советской политики мира, которая доставляет столько забот приписникам «холодной войны».

А. М.

Рисую художника Гербола из американской газеты «Вашингтон пост» вид Таймс редакция

— Пока еще рано, но лержи этот плакат наготове!

Рисую художника Гербола из американской газеты «Вашингтон пост» вид Таймс редакция